

* * *

Что ни дом, то короб пустой,
что ни слово, то сух язык, —
эта боль посильней зубной.
Бог, как опытный ростовщик,
назначает такой процент,
не расплатишься до зимы.
После смерти не будет цен,
только свечечки зажжены.
Под ногами горит асфальт,
и не слышно колоколов,
в этом городе плавят сталь,
проливают свою же кровь.
А за городом светлячки
освещают победный путь,
я гляжу сквозь твои очки,
я желаю к слепцам примкнуть.
Что ни дом, то сплошная скорбь,
что ни голос, то вой сирен.
Этот город был слишком горд,
и теперь он пошёл в размен.
Бог торгуется, как банкир,
не уступит и двух монет.
Бог смеётся, что Божий мир
утверждает, что Бога нет.
Его смех — канонада дня,
город плотно берут в кольцо.
В этот город пришла война,
я боюсь ей смотреть в лицо.

ВЕЧНЫЙ ГОРОД

«Не читайте газет, и не будет войны».
От войны до войны было небо — ни облачка.
Приезжай к нам в Донецк, привези нам немного воды
и краюху луны вместо месяца корочки.
Лунный хлеб так похож на огни Ильича.
Это главный проспект наш — дорога подлунная.
Если б город умел мой от боли кричать.
Если б город умел мой о чём-нибудь думать
другом. Кроме этой войны, кроме этих расстрелов в упор.
Если б мог он, то встал бы, прикрыл бы тебя, ротозея.
Я не знаю, за что ему всё это. И в какой ни заглядывай двор,
всюду видятся штрих-пунктирные контуры Колизея.

Я люблю этот город —
обетованную степь,
на лице его порох,
он видел воочию смерть.
Он безумен, как шляпник,
разливший нечаянно ртуть.
Этот город внезапен,
но мне не в чем его упрекнуть.
Он стоит на границе —
силы света и силы тьмы.
Он немножечко рыцарь,
его горы — всего-то холмы.
Его вены, усталые вены —
потемневший асфальт дорог.
Его все обвиняют в измене,
сочиняют ему некролог.
Я люблю его, как ребёнка,
не болеет ли, не озяб?
Как же тонко в нём всё, так тонко,
но об этом сейчас нельзя.
Впрочем, в тонкости тоже сила,
тоже правда и благодать.
Я заранее его простила,
если будет за что прощать.

* * *

Кто читает все эти чёртовы сводки?
Налей мне водки, промой мои раны,
мы с тобой в подвале сидим, как в подводной лодке,
имени русой Марии, имени плачущей Анны.
Наша лампа-лампочка, наша маленькая лампада,
жёлтая, жуткая, внутриматочная спираль мира.
Не гляди на меня, Мария, я боюсь твоего взгляда,
помолчим, Мария, здесь каждое слово — гиря.
Наш подвал укромн, четыре стены и стулья,
а ещё эти полки с помидорами-огурцами.
Нас подвал уменьшает, съёживает, сутулит,
мы становимся даже не сёстрами — близнецами.
А на завтра сводки, от которых мне сводит душу,
а на завтра снова учиться ходить по краю.
Мы идём по улице — два морячка по суше,
мы с тобою ещё ни разу не умирали.

Нет улицы Героев ДНР.
Война не знает снов и полумер.
Они сидят, одетые для боя.
Как выглядит одежда на героях?
Да как попало, как кому теплей.
Десятка три макеевских парней.
За них молюсь, а ей не до молитв.
Ей только знать бы, что никто убит
из них не будет завтра, послезавтра.
А дальше планов нет: война и мряка.
И на войне бывает, свет мой, всяко.
Она их учит собирать АК
и забивать в рожки патроны.
Болит ли сердце за смешного паренька?
Она звонит мне: «Ань, сходи к Матроне».
И я иду. Прошу как за себя.
За тридцать душ с макеевской пропиской.
Меня моя болезная страна
давно считает сукой, террористкой.
И я не спорю. Что мне спорить с ней,
но тридцать душ макеевских парней...
И тридцать душ их бледных матерей.
Таких же, как и я, сорокалетних.
Ещё вчера был зной и выпускной,
сегодня мальчики венчаются с войной.

«Они — мне дети», — талдычит в рацию
военная сестра.

Она грешна, она же и чиста,
хоть и не мылась, кажется, неделю.
Но есть опять надежда, что с креста
Христа не снимут ни в конце апреля,
ни в мае. Будет некого снимать.
Он будет не распят, его научат
как собирать АК. И даже внучек —
настанет день —
он к маме приведёт расцеловать.